

ГОМЕР, Одиссея, Перевод П. А. Шуйского, под ред. А. И. Виноградова, Свердловск, 1948, 423 стр., тираж 1000 экз., цена 30 руб.

Единственному полному стихотворному переводу Одиссеи на русский язык, переводу Жуковского, в 1949 г. исполнилось сто лет. За эти сто лет его критиковали не раз, но не было сделано ни одной попытки дать новый перевод всей Одиссеи. Немедленно после его выхода перевод Жуковского был подробно разобран Сенковским. Восхваляя поэтический дар Жуковского, Сенковский все же указывает, что иногда «гармония этого пера переходит в другой тон, не ладящий с тоном подлинника, в тон шумнее или высокопарнее». Вину за это он возлагает на того «ученого боннского филолога, который сбил русского поэта с настоящего пути». «Настоящим путем» Сенковский считает передачу Одиссеи русской разговорной речью с значительным введением элементов простонародного говора (частиц, прибауток и т. п.).

Обвинения по адресу «боннского филолога» основаны на том, что Жуковский, не зная греческого языка, перевел Одиссею не с подлинника, а с немецкого подстрочного перевода. Этот подстрочный перевод был, правда, снабжен детальным грамматическим и фразеологическим комментарием, но, конечно, перевод Жуковского, сделанный не с оригинала, неизбежно должен был иметь некоторые погрешности. Еще более отрицательное влияние на точность перевода, несомненно, оказали романтически-религиозное мировоззрение Жуковского, его монархические симпатии и убеждение в наивной «примитивности» гомеровского эпоса. Все эти недостатки перевода Жуковского прекрасно разобраны во вводной статье И. И. Толстого к изданию 1935 г. Тем не менее и для нашего времени перевод Жуковского является «нетленным памятником его имени»; можно только изумляться его таланту и мастерству, создавшим такой перевод, на котором многие поколения русских читателей учились любить Гомера. Даже язык его перевода Одиссеи, местами использующий и церковно-славянские и древнерусские обороты, все-таки значительно менее устарел, чем язык «Илиады» Гнедича, переведенной только 20 годами раньше.

Однако и самый лучший перевод может устареть, и желание дать новый перевод Гомера, отвечающий требованиям научной точности, сохранения литературного стиля оригинала и его стихотворных особенностей, само по себе вполне законно. Важно рассмотреть, какие задачи ставит себе переводчик, какие недостатки он находит у своего предшественника, удастся ли ему исправить их и не вносит ли он со своей стороны новых погрешностей, может быть, более важных, чем прежние.

Перевод «Одиссеи», сделанный П. А. Шуйским, является, как указано в предисловии редактора, «плодом долголетних (более 20 лет) и упорных занятий Гомером», «подвигом жизни» (стр. 5). В этом же предисловии приводится выдержка из отзыва акад. И. И. Толстого, говорящая о том, что перевод П. А. Шуйского «несравненно более точен в выборе лексического запаса и в передаче характера самого стиля античной эпической речи». Судя по таким отзывам, можно ожидать, что в этом переводе исправлены именно те недостатки, какие действительно имеются в переводе Жуковского, т. е. словарные неточности и чуждая оригиналу стилистически-романтическая окраска. В предисловии «От переводчика» автор упрекает Жуковского в том же, о чем было сказано выше, а именно — в «приукрашивании» Гомера и в употреблении терминов из придворной жизни («царей», «царских палат» и т. п.) и указывает, что «это — достаточный стимул для работы над новым русским текстом обеих поэм, более близким во всех отношениях к подлинному Гомеру» (стр. 7). Правда, он тут же прибавляет, что рассматривает свой труд только «как попытку приближения к Гомеру, скромные результаты которой в лучшем случае могут послужить толчком для других подобных попыток».

Отсюда еще нельзя заключить, в каких именно отношениях П. А. Шуйский хочет приблизить свой перевод к гомеровскому тексту. Более ясным это становится при чтении подробных примечаний, которыми снабжен перевод и которые занимают более 50 страниц мелкого шрифта (стр. 346—399). В этих примечаниях переводчик в основном сопоставляет свой текст с текстом Жуковского и указывает на неточности и добав-

ления в переводе Жуковского, которые он считал нужным исправить или опустить. Среди этих замечаний есть и достаточно обоснованные: например, Жуковский ввел эпитет «святотатный», отсутствующий в тексте (IV, 503, 509 и X, 200); правильно указание, что на ткацком станке времен Гомера работали не сидя перед ним, а обходя его, как, добавим, и сказано в переводе «Илиады» Гнедича: «Ткальный стан обходя...» (X, 31) (у Жуковского Цирцея *сидит перед станком* (X, 222)).

Результаты сверки перевода Жуковского с подлинником, отраженные в примечаниях П. А. Шуйского, действительно «могут послужить толчком» к созданию новых переводов и должны быть учтены каждым, кто решился бы еще раз взяться за подобный труд. Однако еще более важной предпосылкой для такой попытки должно быть обладание тем «верным поэтическим инстинктом», за который Сенковский восхвалял Жуковского. Если даже не читать перевода П. А. Шуйского, уже при внимательном чтении его примечаний становится ясным, что именно понимает автор перевода под точностью: это исключительно словарная точность, более близкая к буквальности, чем к поэтической верности перевода. К сожалению, стремление П. А. Шуйского к точности оказывается только стремлением к словарной буквальности, приводящей нередко к искажению образов, к нарушению общего стиля, к искажению синтаксического строя русского языка и даже к бессмыслице.

Начнем наш разбор с замечаний П. А. Шуйского об употреблении некоторых отдельных слов и терминов. П. А. Шуйский особенно порицает Жуковского за употребление слов «царь», «царица», «царевичи», выражений «царские палаты», «царевы конюшни» и т. п. В начальном общем примечании к песне IV (стр. 351) он перечисляет всевозможные слова, какими Гомер обозначает «предводителя племен, вождя». Таких слов у Гомера очень много (ἄναξ, βασιλεύς, ποικίλη λαῶν и т. д.). Перевод таких слов словом «царь», конечно, исторически неточен, как верно указывает П. А. Шуйский, так как составление гомеровских поэм «относится к временам догосударственным». Однако вместо «царя» и «царицы» сам П. А. Шуйский почему-то вводит в свой перевод слова «басилей», «басилея», «деспойна» (ср. IV, 44; 697; 770; VII, 53), никакого смысла для русского читателя, не знающего греческого языка, не имеющие и не связанные ни с каким реальным представлением. Между тем слова «царь» и «царица», хотя и неточны исторически по отношению к Менелая, Одиссею, Елене и Пенелопе, стилистически, однако, вполне законны, так как они употребляются в сказках, легендах и исторических песнях и связаны в народных поэтических произведениях вовсе не с образом неограниченного монарха в буквальном смысле слова, а с образом властителя вообще. Но даже если переводчик хотел во что бы то ни стало избежать слова «царь» и производных от него, то ему следовало использовать русские слова: «владыка», «властитель», «повелитель», «вождь», «глава», «начальник», «предводитель», «правитель», и т. п., следуя чрезвычайно разнообразным гомеровским синонимам, но ни в коем случае не вводить в поэтический текст ненужные и непонятные (да, кстати сказать, и не объясненные П. А. Шуйским) новые заимствования. Слово же «деспойна» (ср. VII, 53) можно было перевести просто словом «хозяйка», которое наиболее правильно передает отношение хозяйки дома в гомеровское время к слугам и домочадцам. Совершенно необоснованным является и слово «нимфа» в обращении Эвриклеи к Пенелопе: «Милая нимфа» (IV, 743 *νίμφα φίλη*). Слово «нимфа» в русском языке приобрело строго определенное значение полубогини или второстепенного божества, олицетворявшего в греческой мифологии различные силы природы, и никогда не может быть употреблено как обращение к замужней женщине, как в данном случае.

Разбирая слова, обороты и образы, которые Жуковский добавил от себя, придав своему переводу более романтический или сентиментальный характер, чем тот, какой имеется в подлиннике, П. А. Шуйский не обращает внимания на то, что его собственный перевод тех стихов, которые романтизирует Жуковский, страдает ничуть не лучшими добавлениями. Например, у Жуковского:

...Телемак в несказанном волнении
Пламенно обнял отца благородного с горьким рыданьем
(XVI, 213 сл.)

В подлиннике: Τηλέμαχος δὲ ἀμφιχρῦθεις πατὲρ ἑσθλὸν ὀδύρετο, δάκρυα λείβων.

Несомненно, перевод Жуковского вносит слишком много лишнего пафоса, но в переводе П. А. Шуйского тоже введены лишние слова, а весь образ ослаблен.

... *Телемах, проливая*

Слезы и в глаза, обнимая отца благородного, плакал.

Ведь слезы всегда льются из глаз, а проливать слезы и плакать совершенно одно и то же; у Гомера же сказано, что сын Одиссея, «проливая слезы, рыдал».

П. А. Шуйский уделяет, повидимому, большое внимание эпитетам, подробный перечень которых он дает в особом приложении (стр. 403—408). Однако с переводом их весьма часто нельзя согласиться. Так, пастух Филотий назван (XXI, 83) «коровником», как и у Жуковского; но именно здесь с о в р е м е н н о м у переводчику следовало непременно отклониться от Жуковского, так как в настоящее время «коровником» называется не пастух, пасущий коров, а хлев, где стоят коровы! Тот же Филотий в другой песне (XXII, 285) назван «к о з и й пастух», хотя у Гомера он и здесь явно к о р о в и й пастух, а немного ниже (в стихе 292) он же назван «пастух к р и в о н о г и х коров». Здесь переводчик явно не разобрался в выражении βοῶν ἐλίχων ἐπίβοσκλος. Дело в том, что гомеровское прилагательное ἐλίξ понимается разными толкователями по-разному: это либо к р и в о р о г и й, по античному толкованию, либо з а п л е т а ю щ и й, в о л о ч а щ и й н о г и, либо даже л о с н я щ и й с я, т у ч н ы й, но только не «кривоногий». Невозможность такого понимания ясна сразу всякому! Но П. А. Шуйский, как и в других случаях, не вникает в общий смысл сказанного у Гомера.

Эпитет δῖος, очень часто встречающийся у Гомера, передается П. А. Шуйским то как «светлый», то как «пресветлый» (XX, 55). Если еще можно согласиться с первым переводом (значение «блестящий», «сияющий» возможно), то второй перевод носит значительно более церковный характер, чем многие из эпитетов Жуковского, которые П. А. Шуйский считает «ближе к церковным акафистам, чем к Гомеру» (стр. 353 к ст. 209). Кстати сказать, именно эпитеты, переводимые Шуйским, переведены Жуковским очень точно; речь идет о сновторном средстве, которое Елена прибавляет к вину (IV, 220 сл.):

*В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего.*

П. А. Шуйский придает, повидимому, большое значение расстановке слов в предложении и хотел бы возможно точнее сохранить греческий их порядок. Ничем иным нельзя объяснить его примечание к 1-му стиху первой песни, в котором он сознается в собственной беспомощности, а переводя его, только искажает стих Жуковского. Расположение слов в переводе П. А. Шуйского постоянно нарушает строй русского языка:

Горе мне! В землю какую людей опять я приехал?

(XIII — 200)

Звонкую он формингу повесил на гвоздь дерезанный

Возле певца головы, показав, как ее взять руками

(VIII, 67 с.)

Здесь слово «взять» оказывается безударным, за что, как мы увидим ниже, П. А. Шуйский упрекает своих предшественников. Или еще:

*Низменный берег увидишь и роцу затем Персефоны,
Черные тополи ввысь, а также бесплодные ивы*

(X, 509)

В подлиннике нет ни черных тополей (они есть у Жуковского!), ни б е с п л о з н ы х и в. Гомер, повидимому, знал ботанику лучше переводчика!

Не понимает П. А. Шуйский, что «собственный дом» по-русски неразложимое словосочетание и имеет особый смысл, совершенно невозможный у Гомера:

*Лучше я предпочту быть убитому в собственном доме.
Там умереть...* (XVI, 106)

Невозможно и оторванное «Там умереть». У Жуковского и точнее и поэтичнее:

*Было бы лучше мне, в доме моем пораженному, встретить
Смерть...*

Нередки в новом переводе и прямые бессмыслицы. Не говоря уже о том, что переводчик должен твердо знать (как знал это Жуковский), что Аид у Гомера не место, а божество, и не переводить «... пребывает в Аиде» (XXIV, 264), да еще без соблюдения эпического повтора, на который он сам указывает в примечании, П. А. Шуйский обязан был избегать таких крупных недоразумений, какие совершенно сбивают с толку читателя, не имеющего возможности обратиться к подлиннику. Так, например, в песне XVI, ст. 115 сл. Телемах на вопрос Одиссея, который еще не открылся и притворно спрашивает его, не винит ли он своих братьев, на которых обычно полагается каждый человек при общем раздоре, отвечает, что он не может их винить, потому что у него их нет. В переводе Жуковского ответ Телемаха передан так:

*... ни братьев
Также моих не могу я винить, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем раздоре, понеже
В каждом колене у нас, как известно, всегда лишь один был
Сын...*

В переводе П. А. Шуйского Телемах отвечает так, что ничего понять нельзя, кроме того, что у Телемаха братья имеются, но что он единственный сын Одиссея, т. е. ответ Телемаха — бессмыслица:

*Братьями я доволен, которые будут, надеюсь,
Вместе бороться, хотя бы великая битва возникла;
Род наш единственным сделал таким владыка Кронион:
Сына Лаарта родил одного лишь мой прадед Аркесий,
Лишь единственный сын Обиссей у Лаарта родился,
В доме родил Одиссей одного лишь меня...*

Козий пастух Филотий пасет кривоногих коров Одиссея, единственный сын которого надеется на помощь своих братьев... Для исследователей Гомера новый перевод П. А. Шуйского прямо клад!

Перейдем к краткому разбору вопросов метрики. П. А. Шуйский не раз упрекает Жуковского за неправильные ударения и за постановку ударений на служебных словах. Он подвергает критике и отрывок из перевода Зелинского за то, что слова «его» и «среди» поставлены в безударное положение (стр. 359). Вот этот отрывок:

*Нынче ж другую нам песнь подари — о коне деревянном,
Как его создал Эней по внушению девы Паллады,
Если и это ты нам по порядку поведаешь, буду
Всюду твердить и всегда среди всех, с кем сведет меня Мира*

и т. д.

Оба слова («его» и «среди»), естественно, попадают в безударное положение. Но ведь значительно хуже, когда, наоборот, в ударное положение попадают такие служебные слова, как «за», «иль» и т. п., что постоянно наблюдается в переводе Шуйского: «Взялся за Телемаха рукою ...» (III, 374), «Кратким и ль благосклонным...» (V, 9),

«Были и з серебра...», «Также и з серебра...» (VII, 89 и 90), «Спавшего на корабле обоюдокрывом (?)...» (XIII, 117), «П е р е д матерью милой дары положили большие» (VIII, 420). Крайне неблагозвучны и окончания стиха на односложные слова у П. А. Шуйского:

*Здравствуй, странник почтенный! Да будет тебе впереди хоть
Благо...* (XX, 199)

или
Солнце еще заходило, когда все дары принесли уж (VIII, 417)

Необходимо обратить внимание и на то, что в большинстве приведенных примеров из перевода П. А. Шуйского имеются и смысловые недоразумения: «Взялся за Телемаха рукою» вместо «За руку взял Телемаха»; «... на корабле о б о ю д о к р и в о м...» Почему *ἑλαφός*, которое П. А. Шуйский в других случаях (ср. I, 14; II, 20) переводит «глубокий», обратился в совершенно непонятное «обоюдокривой»? Почему *περικαλλέα δῶρα* обратился в «дары... большие»? Что значит «да будет тебе впереди хоть благо»? Что значит «Солнце еще заходило»? Сравнение с греческим текстом, а во многих случаях просто с переводом Жуковского, поможет разобраться в переводе П. А. Шуйского, но без этого он остается непонятным.

Коллеблющиеся ударения на значимых словах, которые встречаются и у Гнедича и у Жуковского, да и в любых стихотворных переводах, использует и П. А. Шуйский; но едва ли можно признать законным ударение последнего слова в таком стихе: «Три пастуха разошлись по разным местам со свиньями» (XIV, 25). Неудобочитаемым делает перевод П. А. Шуйского и переполнение его спондеями (= трохеями) и не в третьей строке, где цезура помогает их прочесть, а в первой, второй и в первой и второй подряд (ср. II, 187; IV, 19; V, 180; XIX, 215 и т. д.).

Таким образом, новый перевод «Одиссеи» оказывается во многих случаях неудобочитаемым, непонятным и прямо неверным.

В выходных данных указано, что иллюстрации в тексте сделаны М. П. Шуйской. Это неверно: иллюстрации принадлежат Флакману, а о качестве их перерисовки можно легко судить, сравнив их с подлинными иллюстрациями этого художника, помещенными в издании поэм Гомера в переводе Гнедича и Жуковского под редакцией А. Е. Грузинского (М., «Окто», 1912).

М. Е. Грабарь-Пассек и Ф. А. Петровский